

/sub

Оксана Тимофеева

МАЛЬЧИКИ, ВЫ ЗВЕРИ

Перевод с английского
Яны Марковой

Individuum, 2025

УДК 159.964.2

ББК 87.52

Т41

Тимофеева, Оксана.

Т41 Мальчики, вы звери / Оксана Тимофеева; [пер. с англ.
Я. Марковой]. — М.: Individuum, Эксмо, 2025. — 144 с. — (/sub).

ISBN 978-5-907696-66-2

В каждом из нас есть зверь — проводник в бессознательное, откуда происходят наши неврозы, фантазии и навязчивые состояния. Философ Оксана Тимофеева внимательно анализирует три клинических случая Зигмунда Фрейда и обнаруживает в глубине человеческой психики животное начало, которое подвергается подавлению и дрессировке. Лошадь бьют, крысу травят, волка загоняют в ловушку, козла отпущения приносят в жертву — таков механизм насилия, пронизывающий культуру от самых ее истоков до современности. Герои этой книги — маленький Ганс, Человек-волк, Человек-крыса, описанные Фрейдом, а также Родион Раскольников, Фридрих Ницше, царь Эдип, персонажи европейских сказок, греческих и библейских мифов. «Мальчики, вы звери» — смелый пересмотр теории психоанализа и актуальная философская проза, предлагающая новый взгляд на психическую реальность.

УДК 159.964.2

ББК 87.52

 individuum /sub

© Оксана Тимофеева, 2024

© Яна Маркова, перевод, 2024

© Хаим Сокол, изображение, 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2024, 2025

ISBN 978-5-907696-66-2

Individuum®

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
Театр души	13
Лошадь бьют	33
Крысиная нора	69
Число зверей	97
<i>Примечания</i>	135

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема этой книги — насилие и сексуальность после Фрейда. Обращаясь главным образом к трем знаменитым фрейдовским клиническим случаям, в которых важное место занимают животные — маленький Ганс, Человек-крыса, Человек-волк, — я размышляю о роли, которую животные играют в мужской гендерной социализации. Моя гипотеза заключается в том, что по ту сторону сексуальности — которая, согласно Фрейду, во многом определяет нашу душевную жизнь, — существует механизм насилия, производящий то, что мы считаем социальной нормой. Я называю этот механизм машиной маскулинности: жертвой его оказываются животные или те, кто приравнивается к животным. Это подвижная конфигурация, которую можно рассматривать на разных уровнях: психологическом, антропологическом, теологическом, политическом. На нескольких любопытных и неоднозначных примерах, с помощью Фрейда или вопреки ему, я пытаюсь показать, как она работает.

Некоторые считают, что Фрейд устарел и обращаться к его текстам, чтобы понять современность, нельзя.

Наверное, с точки зрения клинической психологии подобные высказывания имеют смысл, но в философии не устаревают вообще никто и никогда, и, хотя Фрейд не был философом в строгом смысле, его творчество открывает очень широкий спекулятивный горизонт, навстречу которому можно идти бесконечно. Только предубеждения могут помешать как работать с его случаями, так и привлекать его к работе уже с нашими, сегодняшними историями и ситуациями разной степени безумия.

Однако же это не академическое исследование, посвященное одному автору, а, скорее, довольно сильно уклоняющееся и уводящее в разные стороны от его учения упражнение в рефлексии, которым я занималась на протяжении нескольких последних лет, хоть и не слишком регулярно. Отталкиваясь от рассуждений Фрейда по поводу девочек с сексуальными фантазиями или мальчиков с животными фобиями, я размечаю контуры пусть пока очень предварительной и далекой от систематической завершенности, но все же собственной версии философской антропологии — в той ее части, которая касается анализа (и самоанализа) человеческой души. Слово «человеческая», конечно, очень условно, и употребляется здесь лишь затем, чтобы каждый мог примерить этот анализ на себя. Речь идет вовсе не о том, что существует такая вещь, как человеческая душа, и что она отлична от психики любого другого существа. Лучше было бы говорить о животной душе — о самоанализе нашей животной души — не самой по себе, а в контексте культуры с характерными для нее сценариями психической драмы, снова и снова проигрываемой на пересечении фантазии и реальности.

До 2023 года я еще не знала, что работаю над этой книгой, а просто время от времени обращалась к психоанализу

с некоторыми философскими вопросами, так что ее история складывается сейчас задним числом. Меня всегда интересовало то, как психическое и социальное переходят друг в друга, какие бессознательные культурные паттерны мы воспроизводим и почему — в сексе, в политике, везде. Первым и уже совсем давним шагом был небольшой доклад про случай Человека-волка, с которым я выступила на семинаре в академии Яна ван Эйка в Маастрихте в 2011 году¹. Именно из этого когда-то совсем хаотичного доклада, в центре которого была тема подсчета зверей не только в психоанализе, но и, например, в Библии — в ветхозаветной легенде о Ноевом ковчеге и новозаветной об изгнании бесов, — в конце концов выросла последняя глава, «Число зверей».

Позже, в 2016–2017 годах, стали появляться наброски главы, которая здесь стоит первой и называется «Театр души»². Она не про мальчиков, а про девочек. В ней — в том числе на личном примере — я пытаюсь разобраться, как устроен тот психосексуальный узел из травм, насилия, фантазии, стыда и высоких моральных устоев, в котором безнадежно запуталось наше общество. Мне было трудно писать эту главу, она нарушает границы — прежде всего мои собственные, — но я хочу, чтобы она послужила чем-то вроде пролегомены к философии *девочки*, которую, может быть, когда-нибудь создаст тот (та, те), кто меня прочитает и поймет. Тут нужен дисклеймер: в моих работах любой автобиографический материал выполняет определенные концептуальные задачи, но это и моменты вторжения жизни, которые теорию не столько склеивают, сколько ломают (не вижу никаких причин для теории быть слегка поломанной — в конце концов, так она будет ближе к тому, что она описывает).

В 2020–2021 годах, во время пандемии ковида, ставшей для всего мира чудовищным потрясением, я вновь вернулась к Фрейдю — на этот раз за анализом невроза навязчивости в случае Человека-крысы. Я обратила внимание на параллели между некоторыми общественными и психическими процессами, которые происходят при столкновении с угрозой извне, — например, угрозой заражения (но это может быть и угроза нападения — структурно это примерно одно и то же; неслучайно борьбу с вирусом описывали как войну с невидимым врагом). Да, страх заразиться смертельно опасной болезнью рационален, но если мытье рук и другие способы создания вокруг себя защитных барьеров превращаются в ритуалы, доводящие нас до иступления, значит, причина нашего страха не вирус, а что-то иное, что мы пытаемся забыть, вытеснить, подвергнуть цензуре. Забытое или вытесненное оставляет в нашей реальности своего агента — какого-нибудь маленького зверька, который зовет и увлекает за собой в темноту бессознательного. Его-то и обвиняют во всех грехах, в том, что он несет заразу, чуму и хаос: начинается охота на крыс (волков, ведьм, панголинов, агентов внешнего влияния). Этой теме была посвящена статья «Крысиная нора: Фуко, Фрейд и проблема изоляции», опубликованная в 2021 году в одном российском журнале по философии, с сайта которого в 2023 году в рамках неких гигиенических процедур редакция удалила мое имя (тем самым наглядно продемонстрировав обсуждаемые в этой публикации механизмы), как если бы я была маленьким заразным зверьком.

Наконец, к написанию второй главы, «Лошадь бьют», посвященной маленькому Гансу — мальчику, боявшемуся лошадей, — я приступила, уже когда в моей голове возникла композиция из этих трех случаев и родилось название

книги — *Freud's Beastly Boys* («Мальчики-звери Фрейда»). Я писала ее по-английски. Это несколько сложнее, чем писать на родном языке, но зато такая практика дает чувство дистанции по отношению к собственной речи. В процессе авторизованного перевода текст буквально проходит через другого (другую) и так подвергается своего рода двойному отрицанию; отбрасываются лишние декоративные элементы, и остается только существенное.

Кто хорошо знаком с творчеством Фрейда, сразу догадается, что название «Лошадь бьют» — это парафраз заголовка его знаменитого эссе «Ребенка бьют», к которому я напрямую не обращаюсь, но все же между ним и теми случаями, которые здесь анализируются, безусловно, есть связь. Маленький Ганс видит, как бьют беззащитное животное, и испытывает сострадание, как если бы лошадь была его матерью, другом, сестрой — или же сам он был этой лошадейю. Но сострадание пройдет, вскоре он вырастет и сам станет бить свою лошадку (женщину, другого мальчика, кого-нибудь беззащитного) — таков ритуал. Мы не осознаём это как ритуал, но он есть (Рене Жирар использовал по отношению к нему термин «заместительная жертва»). Машина маскулинности приводится в действие неким учредительным актом насилия, к которому мы имеем отношение как зрители или как участники: это наша плата за вхождение во взрослый мир, которым заправляют серьезные мужчины с оружием и деньгами.

Я рассматриваю этот механизм в контексте не только психоанализа, но и антропологии и истории религии, выделяя в каждом индивидуальном психосценарии «тотемический момент», то есть момент встречи и коммуникации (травматичной или нет) со «своим» животным. Речь идет о символической или реальной встрече, вызывающей в нас

потрясение, вводящей в состояние аффекта. Тотемический момент — это сцена обмена перспективой, когда мы, сами того не понимая, отождествляемся с животным, узнаём себя в нем, — как если бы в его облике явилась нам откуда-то извне наша собственная душа. Как магические посредники, лошади, крысы или волки соединяют нас с миром мертвых, то есть с традицией, историей нашего народа и культуры, в которой монотеизм вытесняет тотемические практики, но какая-то базовая психосоциальная матрица превращения любви в насилие не перестает воспроизводить себя.

ТЕАТР ДУШИ

Эта книга писалась на второй год войны, которая всех рвала на части: кто-то потерял работу, кто-то — семью, а кто-то — сам себя. Мы не были готовы к войне; она застала нас врасплох, сведя все многообразие жизни к простоте смерти. Население поделилось на мужчин и женщин, и каждая группа получила свою роль: мужчинам — убивать и быть убитыми, женщинам — рожать новых мужчин. Другие группы были запрещены, и те, кто был не согласен или выпадал из этого двоичного кода, оказались вне закона. Мой текст не о войне, но она присутствует здесь как серый фон. А еще за этой рефлексией стоит кошмарный эпизод личной биографии, память о котором не дает мне ни понять, ни тем более принять как судьбу половое различие в виде навязываемой идеологическими аппаратами государства дурной бесконечности Эроса и Танатоса.

В подростковом возрасте я подверглась сексуальному насилию¹. На тот момент я еще не имела представления о сексуальности и не вполне понимала, что произошло. О преступлении заявили в полицию, и после длительного судебного процесса, в ходе которого мне приходилось

бесконечно давать показания об этом травматичном эпизоде, мужчина отправился в тюрьму на тринадцать лет. Я всегда думала, что этот срок для него слишком короткий. Более того, я считала, что любой срок был бы слишком коротким и даже пожизненное заключение было бы недостаточным наказанием за причиненное мне зло. Такие вещи сложно прощать; в прощении есть что-то неестественное. Всю свою жизнь я была вынуждена молчать об этом эпизоде, потому что моральные нормы страны, в которой я жила, были таковы, что при любом стечении обстоятельств виноватой все равно считалась жертва. Репутация плохой девочки могла запросто испортить мне жизнь и разрушить мое будущее.

Этот эпизод, конечно, не был чем-то уникальным — многие из моих подруг пережили подобное. В 2006 году американская активистка Тарана Бёрк впервые использовала фразу *Me too* («Я тоже»), которая стала лозунгом солидарности и сестринства для всех женщин с похожим опытом и с 2017 года использовалась в качестве хэштега социального движения против сексуализированного насилия, харассмента и абьюза. Незадолго до непосредственного начала кампании *#MeToo*, в 2016 году, Анастасия Мельниченко инициировала массовую акцию в соцсетях с другим хэштегом — *#яНеБоюсьСказать*. В ходе этих кампаний тысячи людей публично заявили о своем опыте столкновения с сексуальным насилием или домогательствами и поделились воспоминаниями о пережитых в прошлом травматических ситуациях разной степени тяжести — от сальных взглядов на улице или в общественном транспорте до реального изнасилования или попыток его совершить со стороны незнакомцев, супругов,